

Брянник Н.В. Альтернативные философские методологии для когнитивной психологии: Эрнст Мах и Эдмунд Гуссерль. DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-27-44 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 27–44.

УДК 101.8

DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-27-44

Альтернативные философские методологии для когнитивной психологии: Эрнст Мах и Эдмунд Гуссерль

Надежда Васильевна Брянник

доктор философских наук,
профессор кафедры онтологии и теории познания
департамента философии
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: n.v.briantik@urfu.ru
SPIN-код: 6184-2791

*Статья поступила 14.07.2020, принята к печати 03.12.2020,
доступна online 05.04.2021*

Когнитивная психология – одна из значимых областей современной науки, связанная с созданием искусственного интеллекта (ИИ). Многофакторная обусловленность познания схвачена в разнообразных философских концепциях, часть из которых может иметь прикладное значение, в том числе и для когнитивной психологии. В статье рассматриваются два подхода, которые обращены к диаметрально противоположным факторам, влияющим на познавательную деятельность. С одной стороны, все многообразие феноменов познания – от простых (ощущения и представления) до самых сложных (воля, внимание, память, фантазия и пр.) – ставится в зависимость от психофизиологических процессов, связанных в конечном счете с физической энергией. На этой онтологии психофизиологического параллелизма выстраивал свою концепцию Э. Мах. Еще в начале XX столетия он рассматривал возможность технического воплощения результатов своих исследований различных феноменов и механизма познавательной деятельности человека. С другой стороны, в первые десятилетия XX в. Э. Гуссерль претендовал на создание собственной методологии для психологической науки, – методологии, которая одновременно предстает и как теоретический уровень данной области науки в силу того, что она исследует сущность всего многообразия познавательных феноменов, таких как сознание в его разнообразных вариациях, душевные состояния, ценностные установки и логический строй. Свойственные только человеческому познанию идеи/смыслы

© Брянник Н.В., 2021

через письменный язык обретают характер «идеальных объективностей». Письменный язык – это способ виртуального вневременного хранения и приращения идей и смыслов. Но одновременно он может стать и средством их материального, в том числе технического, воплощения. Если Мах в своей методологии делает акцент на физико-физиологических, биологических аспектах процесса познания, то Гуссерль – на экзистенциально-гуманитарных факторах, придающих познавательной деятельности собственно человеческий характер. В этом и заключается альтернативность данных подходов, которая не исключает возможности их взаимного дополнения.

Ключевые слова: Э. Мах, Э. Гуссерль, когнитивная психология, искусственный интеллект, методология, познавательная деятельность, материальное воплощение, альтернатива.

Введение

Когнитивная психология входит в число наук, занятых разработкой искусственного интеллекта (ИИ). Этот тезис не нуждается в обосновании, ведь главной функцией человеческого интеллекта, на моделирование которого нацелены всевозможные проекты ИИ, является познание окружающего и внутреннего мира человека. Философия, для которой в разных ее культурно-исторических формах (европейской, восточной, русской) проблематика познания и сознания была и остается одной из главных, оказывается тесно связанной с когнитивной психологией. Философия рассматривает гносеологические (=когнитивные) вопросы на сущностном уровне. И хотя результаты подобных исследований не имеют прямого воплощения, они важны для понимания возможных стратегий в развитии ИИ. В философских концепциях познавательной деятельности представлены методологические основания для исследований в области когнитивной психологии. Количество разнообразных философских концепций познания не подлежит учету, но при их типизации явно выделяются два диаметрально противоположных методологических подхода, один из которых уже активно задействован в когнитивной психологии и достаточно общепризнан, тогда как другой пока находится на отдалении от данного круга проблем. Возможно, знакомство разработчиков данной области знаний с этим подходом позволит наметить новые направления поиска.

Если указанные типизированные подходы персонифицировать в наиболее ярких их представителях, то в качестве безусловно значимых фигур следует назвать Э. Маха (1838–1916) и Э. Гуссерля (1859–1938). Конечно, оба они не дожили даже до первых шагов информационных технологий, но тем не менее в самих механизмах человеческого познания им удалось схватить такие составляющие, без учета которых продвижение в современной когнитивной психологии, связанной с ИИ, будет затруднено или даже невозможно. В силу отмеченной альтернативности методологических подходов данных мыслителей все многообразие философских концепций познания укладывается в диапазоне между ними – в том случае, если нас интересует познание как средство биологической адаптации либо, напротив, как деятельность, в наиболее ярком виде воплощающая собственно человеческое в

человеке. Через эту призму могут быть рассмотрены и современные гносеологические концепции, в кругу которых заметно явное оживление эволюционной эпистемологии, а что касается феноменологической традиции в теории познания, то она, по сути, и не прерывалась. Сравнительный анализ воззрений Э. Маха и Э. Гуссерля – обсуждаемая тема в исследовательской литературе. Так, в зарубежных исследованиях достаточно близко примыкает к интересующей нас проблематике сопоставление методологий данных мыслителей – феноменализма и дескриптивизма (первого) и феноменологии (второго) в их обращении к психологии (Fisette 2012; Penchev 2020). Новизна предлагаемой статьи заключается в выявлении в рассматриваемых Э. Махом и Э. Гуссерлем механизмах познавательной деятельности таких аспектов, которые могут иметь техническое воплощение.

I. Основные положения философско-методологической концепции Э. Маха

Когда речь идет о *позиции* Э. Маха, то имеются в виду прежде всего его работы, связанные с психологией (Мах 2005; Мах 2003). Какие положения данных трудов составляют *концепцию познания* данного мыслителя, в чем ее особенности и какое отношение они имеют к когнитивной психологии с ее современной проблематикой, нацеленной на создание ИИ?

Ответы на заявленные вопросы предполагают, прежде всего, раскрытие его общей установки в философии (хотя нуждается в обосновании и сам факт признания за физиком Махом особой философской позиции, но это самостоятельная тема обсуждения). Как исследователь он осознанно отстаивает позитивистскую традицию с ее нацеленностью на обращение непосредственно к самой *реальности* и стремлением избавиться от метафизических допущений. Конт, один из основоположников позитивизма, для него авторитетная фигура, но «для Конта естествознание – почти все, а психология – почти ничего; между тем как автор (имеется в виду сам Мах. – Н.Б.) рассматривает обе области как однородные, равно важные источники нашего познания» (Мах 2005: 42).

1. Для Маха психические процессы и есть та непосредственная реальность, в которой протекает познавательная деятельность. Тем самым обращение к современным ему областям знания, связанным с психологической наукой, таким как физиология органов чувств, патология мозга, сравнительная анатомия, экспериментальная эмбриология и др., одновременно предстает для Маха и как возможность решения теоретико-познавательных вопросов (он их часто называет *критико-познавательными*). Следовательно, он выходит на психологию, понимая необходимость изучения *реальных актов* познавательной деятельности человека, и в этом смысле отождествляет психологию и теорию познания, что и означает конструирование своеобразной когнитивной психологии.

2. Даже простое перечисление феноменов, которые Э. Мах соотносит с *психической реальностью* в упомянутых выше работах, весьма впечатляет и на фоне современных достижений в данной области. Это – чувства/переживания (первичные/органические чувства и вторичные),

инстинкты/рефлексы, представления, внимание, память, воля, сознание/интеллект/идеи/мысли/понятия/размышления, фантазия, воображение и др. Важно отметить, что все эти феномены исследуются Махом именно с целью раскрытия познавательной деятельности; не случайно одна из двух его работ названа «Познание и заблуждение...». Для описания *процессуально-действенной* стороны психических явлений используются такие термины, как внутренние созерцания, жизнь, энергия, сила, поток, видоизменения, приспособления, произвольные/свободные – автоматические/механические действия и др.

Среди многообразных проявлений психической жизни нами сознательно не были названы *ощущения*. Между тем в *когнитивно-психологической концепции* Маха (полагаем, что на этом этапе рассуждений уже правомерно использовать данное словосочетание) ощущения занимают центральное место – он даже посвящает ему им самостоятельное исследование (Мах 2005), потому что «ощущение, являющееся одновременно процессом физическим и психическим, составляет основу... всей нашей психической жизни» (Мах 2003: 55).

Особая трактовка ощущений лежит в основе его философской позиции, а способ предпринятого им анализа ощущений являет нам своеобразие методологического подхода Маха в психологии. В приведенной цитате его позиция, собственно говоря, очерчена: ощущения суть *одновременно и физическое, и психическое*; поэтому он называет ощущения *элементами мира*. Он настаивает на том, что «нет пропасти между физическим и психическим, нет ничего в н у т р е н н е г о и в н е ш н е г о, нет о щ у щ е н и я, которому соответствовала бы внешняя, отличная от этого ощущения вещь. Существуют только о д н о г о р о д а э л е м е н т ы, из которых слагается то, что считается внутренним и внешним» (Мах 2005: 260).

Данный тезис провоцирует вопрос: откуда берутся ощущения? Вокруг этого вопроса в начале прошлого столетия возникла бурная дискуссия, результатом которой стала в том числе и известная работа В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», где он предвосхищает теорию отражения и где Э. Мах предстает как лидер эмпириокритицизма. Вот выжимка из философских аргументов Маха: «Иногда задаются... вопросом, не ощущает ли и “материя” (неорганическая). Этот вопрос вполне естественен, если исходить из... представлений, по которым материя представляет собой то... р е а л ь н о е, на котором строится все, как органическое, так и неорганическое. Ведь в таком случае в здании, состоящем из материи, ощущение должно возникать как-то внезапно, или оно должно существовать в самом... фундаменте этого здания. С нашей точки зрения, этот вопрос в основе своей ложен. Для нас материя не есть первое данное. Таким первичным данным являются скорее э л е м е н т ы (которые... называются ощущениями). <...> И то, что... мы называем материей, есть также не что иное, как определенного рода связь между элементами» (Мах 2005: 216).

По нашему мнению, Мах выступает против устоявшихся представлений, подытоживая новую ситуацию, сложившуюся с открытием микромира, – наблюдаемое зависит от наблюдателя, без субъекта нет объекта (Бря-

ник 2015). Сам он по этому поводу недвусмысленно заявляет: «Наша точка зрения не знает противоположения субъекта объекту» (Мах 2005: 281).

3. Каким образом философская позиция Маха, напрямую связанная с признанием центральной роли ощущений в картине мира, повлияла на его *методологический подход в когнитивной психологии?*

Отличие своего методологического подхода он раскрывает так: «... мы можем выставить руководящий основной принцип для исследования ощущений, который мы назовем п р и н ц и п о м п о л н о г о п а р а л л е л и з м а п с и х и ч е с к о г о и ф и з и ч е с к о г о» (Мах 2005: 89). Он противопоставляет его двум другим методологиям, когда ощущения исследуются либо как чисто психологические, либо как чисто физические. Возможность подобного способа рассмотрения вытекает из природы ощущений – физических и психических одновременно. Помимо этого принцип параллелизма отвечает его позитивистской установке, ориентированной на исследование *реальных* явлений и процессов. Данная мысль у него звучит постоянно: «...наша точка зрения не имеет ничего метафизического в своей основе, а только соответствует... выражению данных опыта. <...> Видимый мною лист, когда я его мыслю в зависимости от мозгового процесса, есть нечто п с и х и ч е с к о е, между тем как сам этот мозговой процесс, будучи мыслим в связи с в о и х элементов, представляет нечто физическое. И для зависимости п е р в о й ... группы элементов от в т о р о й группы, которая должна... быть получена при помощи физического исследования, существует принцип параллелизма» (Мах 2005: 90-91).

Принцип параллелизма означает возможность и необходимость установления корреляций между составляющими элементов мира, между психическим и физическим. Относительно ощущений (разновидности простых психических явлений) Мах пишет: «...мы можем проследить связь между психологическим явлением, с одной стороны, и связанным с ним физическим (физиологическим) процессом – с другой... К этой... цели мы стремимся повсюду <...> мы рассматриваем цветное ощущение в зависимости... от элементов п р о ц е с с а N, п р о и с х о д я щ е г о в сетчатой о б о л о ч к е <...>. Имея в виду эту цель, мы... с одним и тем же В (каким-нибудь ощущением) будем всегда и везде связывать только одно и то же N (определенный нервный процесс), для всякого же наблюдаемого нами изменения В будем отыскивать соответствующие ему изменения N» (Мах 2005: 88-89). И эту мысль он многократно повторяет в разных формулировках, полагая, что тем самым достигает научного понимания процессов: «...сущ е с т в е н н ы м и н е п о с р е д с т в е н н ы м условием ощущения в виде к о н е ч н о г о з в е н а... цепи является нервный процесс» (Мах 2005: 89). Ведь именно научный подход нацеливает на поиск физических причин происходящего: «Мы... повсюду, где это только возможно, стремимся к физическим объяснениям, к познанию н е п о с р е д с т в е н н о й (“каузальной”) связи» (Мах 2005: 213). Наличие физико-физиологической основы позволяет проводить *опыты* с психическими феноменами (это и составляет предмет психологической физиологии) и базироваться на естественных законах при их объяснении как особого вида реальности. «Каждый организм,

как и всякая часть его, подлежит физическим законам» (Мах 2005: 115) – вот достаточно сильное суждение Маха, подтверждающее сказанное.

Опора на физические законы, выявление непосредственных причинных зависимостей дают возможность представить ощущение (базовый психический феномен) как некоторую естественную/природную реальность. Тем самым когнитивные процессы и философия познания обретают *онтологическое основание*.

Признание психофизической/физиологической природы всех психических явлений (в том числе и тех, которые включены в познавательную деятельность) и принцип параллелизма составляют исследовательскую концепцию Маха. Приведем несколько примеров. Так, согласно его положениям, из *ассоциаций* различных ощущений, полученных в какой-то конкретный момент и хранимых в памяти, возникают *представления*, потоки которых и являют собой сознание; тогда как отдельные ощущения сами по себе еще не становятся сознанием. «Воспроизводимость и ассоциируемость представлений образует... основу нашего “сознания”» (Мах 2003: 72). Этот тезис важен для Маха, и он усиливает его, вводя такой параметр, как *степень осознания*: «Сознание имеет свои корни в воспроизведении и ассоциации и... степень сознания растёт параллельно с богатством, легкостью, скоростью, живостью и упорядоченностью этих функций» (Мах 2003: 73).

Он различает простые и сложные «типы потоков представлений». Ко вторым он относит потоки представлений, которые движутся с какой-то *целью* и конструируют что-либо *новое* при решении технической задачи или научной проблемы, создании художественного замысла и т. п. Мах пишет: «Такой поток представлений, в котором не теряется из виду более или менее определенная цель, мы называем *размышлением*» (Мах 2003: 70).

К сложным образованиям принадлежат и *воля* и *внимание* – важные составляющие познавательной деятельности. Сближая два этих психических акта, он раскрывает их ассоциативную природу. Например, он утверждает: «То, что мы называем волей, есть лишь особая форма вторжения временно приобретенных ассоциаций в раньше образованный устойчивый механизм тела» (Мах 2003: 87). Другими словами, воля и внимание – те же ассоциации представлений, связанные с особым ощущением времени и зависящие от жизненных функций человеческого организма («без рефлекса и инстинкта...нет и воли» (Мах 2003: 87)). Мах и интеллект связывает с «жизнью представлений», а его своеобразие он видит в тесной зависимости развития интеллекта от социокультурной среды обитания человека: «...интеллект создает... собственные свои потребности... это явление может быть только продуктом социальной культуры» (Мах 2003: 87-88).

В данном тезисе мы пока привели аргументы Маха только в пользу того, что все познавательные феномены так или иначе вырастают из ощущений. Теперь важно понять, как при объяснении многообразия этих феноменов Мах реализует принцип психофизиологического параллелизма. Исследованию взаимозависимости психических и физико-физиологических процессов, по сути, он и посвящает рассматриваемые работы, где приводятся аргументы и ссылки на результаты экспериментов об особенностях корре-

ляции/параллелизма и в отдельных когнитивных актах, и применительно к сознанию/интеллекту в целом. Так, в противовес кантовской трактовке пространства и времени как априорных форм чувственности Мах обосновывает их следующим образом: «Всюду, где я ощущаю пространство... я должен принять существование во всех этих случаях однородного нервного процесса. Для всех ощущений времени я предполагаю однородные же нервные процессы» (Мах 2005: 91).

Однородные (=параллельные) нервные процессы сопровождают не только многообразие чувственного восприятия мира, но и интеллектуальную деятельность. Вот как он характеризует эту взаимозависимость: «Факты сравнительно-анатомического, физиологического и психопатологического исследований заставляют нас признать, что целость больших полушарий мозга обуславливает целость сознания. Различные части коры большого мозга сохраняют следы различных чувственных возбуждений... Между этими различными полями коры мозга существуют самые разнообразные связи через посредство “ассоциационных волокон”. Каждое выпадение функции какой-нибудь части коры мозга или каждый перерыв какой-нибудь связи влечет за собой психические нарушения» (Мах 2003: 73).

Это его результирующие утверждения, к которым подводят многочисленные ссылки на экспериментальные данные и теоретические исследования. Но установление параллелизма когнитивных психических и физиологических нервных процессов – еще не конечная цель данной методологии. Описывая нервную деятельность через физиологические процессы, Мах показывает, как они связаны с *физическими факторами*. Он пытается доказать, что и «энергия чувств», и «энергия сознания» – это все та же физическая энергия, и по качеству своему они не являются чем-то особенным; это точно такие же физические качества и силы. «Вся... жизнь представлений связана с исторической судьбой больших полушарий нашего мозга, которые составляют часть физического мира и которые мы выделить из этого физического мира не можем» (Мах 2003: 92), – заключает он. И сегодня, когда активно развиваются процессы, связанные с конвергенцией науки, техники и технологии, очень актуален его тезис о том, что «психология есть вспомогательная наука физики. Обе эти области знания взаимно поддерживают друг друга и только в связи друг с другом образуют полную, совершенную науку» (Мах 2005: 281).

В изложении Маховой версии когнитивной психологии мы подошли к значимому для нынешней ситуации в данной области знания моменту, связанному с созданием ИИ. В конечном счете, признание того, что психическое имеет физический коррелят и что «мы – такие же вещи, как и вещи физической среды» (Мах 2003: 152), заставляет задаться вопросом и о физическом воплощении (=машинизации, технизации и т.п.) тех психических актов, которые вовлечены в познавательную деятельность. Мах размышляет над этим вопросом и обращается к истории технического воплощения познавательных способностей и интеллектуальной деятельности человека, вспоминая Архита Тарентского, Герона Александрийского, Борелли, Декарта, Ламетри и др. и сконструированные ими (или воображаемые) механизмы/

автоматы. Принципиальный для него тезис, вытекающий из всего вышеизложенного, заключается в признании атрибутивности человеческому существованию механических/автоматических действий: «Основной чертой в действиях животных и людей является определенность, правильность, *автоматичность* (выделено мной. – Н.Б.) <...> То, что нам в людях... кажется свободным, произвольным... покрывает их автоматические действия лишь как легкая дымка или туман» (Мах 2003: 58). Если в *произвольных* действиях человека на самом деле присутствует некий порядок и в них можно обнаружить *закономерности*, дополняемые повторяющимися, автоматическими действиями, то их можно выявить и передать машинам.

Мах усиливает тезис о допустимости и возможности технизации различных сфер человеческой деятельности, моделируя особенности нашего существования с помощью *системного подхода*. Мы находим у него: «Наше тело и наше сознание есть сравнительно замкнутая, изолированная система фактов. Система эта реагирует на процессы в окружающей ее физической среде лишь в ограниченных размерах и в немногих направлениях. Она действует подобно термометру, который реагирует только на тепловые процессы, или подобно гальванометру, который отвечает только на электрические процессы, – одним словом, подобно не вполне совершенному физическому аппарату. <...> В конце концов мы также научаемся... устранять... постоянные источники ошибок аппарата сознания, как это делаем с другими аппаратами» (Мах 2003: 152).

Здесь уже не просто даны намеки на возможность создания ИИ, но и указаны его функции и внешние физические факторы, к которым он способен приспособливаться. И хотя речь идет о конце XIX – первом десятилетии XX в., вовсе не как пустые мечтания воспринимаются идеи Маха, когда он рассуждает о том, что «не невозможна конструкция абсолютно надежного автоматического почтового чиновника для заказных писем, что будет отрядным облегчением для человеческого интеллекта, отягченного механическими манипуляциями» (Мах 2003: 60). Мощь этого мыслителя – в том, что он уже в то время видел перспективу развития человечества в данном направлении, предсказывая такое будущее: «...когда интеллект овладевает данной областью фактов, начинается обратное влияние науки на инстинктивную технику, из которой она развилась, и эта техника превращается в научную, основанную уже не на случайном опыте, а на планомерном разрешении сознательно поставленных задач» (Мах 2003: 109).

4. В методологической концепции Маха присутствует еще одно принципиально значимое положение, которое в рассматриваемых работах им не было столь обстоятельно развернуто, как ранее изложенные, но которое сегодня активно разрабатывается в так называемой *эволюционной эпистемологии*. Эволюционная эпистемология основана на понимании того, что способность к познавательной деятельности людей закладывалась изначально в психике животных и «различия, которыми человек в психическом отношении отличается от животных, суть различия не качественного, а только количественного характера» (Мах 2003: 99). Кажется, что мысль более чем спорная, но все зависит от точки отсчета. Позиция, которую предлагает Мах

для того, чтобы признать лишь количественные различия между психикой человека и психикой животных, вполне допустима: «Если бы мы могли наблюдать людей на большом расстоянии, с высоты птичьего полета, с луны... мелкие частности исчезли бы для нас вместе с последствиями индивидуальных переживаний, и мы лишь видели бы людей, вполне закономерно растущих, питающихся и размножающихся» (Мах 2003: 58). Позиция его в данном вопросе последовательна, и он только наращивает в ее пользу аргументы: «Если сравнить... действия человека и животного, и, далее, человека культурного и некультурного, то преимущество первых перед последними заключается только в длине окольных путей к... цели, в способности таковые пути находить и идти по ним» (Мах 2003: 87).

Оценка методологического принципа эволюционизма как биологизаторства или редукционизма была бы не совсем адекватной его (принципа) сути. Исследование познавательной деятельности в контексте эволюции психики живых организмов позволило, на наш взгляд, предвосхитить некоторые идеи новейшей постнеклассической науки. Так, например, Мах выходит на понятие *динамической системы*. Вот как он описывает ее особенности: «Организм есть система, способная сохранить свои свойства (химические, тепловое состояние и т.д.) от внешних влияний, – система, представляющая динамическое состояние равновесия значительной устойчивости. Тратя энергию, он может заимствовать из окружающей среды новую в размерах, возмещающих или даже превосходящих потерю. Паровая машина, которая сама доставляет себе уголь и сама отапливается, есть лишь слабая искусственная иллюстрация организма. Организм обладает этими свойствами в очень малых частях и из них регенерируется, т.е. вырастает и развивается. ...физика... должна создать себе новые точки зрения изучением самой органической природы, прежде чем ей удастся овладеть и миром органическим» (Мах 2005: 116). Прогноз Маха сбывается: современная физика активно оперирует понятием динамических систем, моделью для изучения которых служат именно живые системы, которым свойственны процессы самоорганизации.

Итак, *особенности философско-методологической концепции Э. Маха* заключаются в признании неразрывной связи психического и физического как элементов мира, утверждении принципа параллелизма психического и физико-физиологического, а также принципа эволюционизма, соотношении когнитивных процессов с психической реальностью и предположении о возможности на этой основе материального воплощения когнитивных процессов в технических конструкциях.

II. Основные положения философско-методологической концепции Э. Гуссерля

1. С самого начала надо отметить, что, в отличие от Маха, целенаправленно участвовавшего в решении актуальных вопросов, стоявших перед психологической наукой, Гуссерль негативно воспринимал любые попытки отождествить его исследования с психологическими. Развернутую аргументацию мы находим в фундаментальной работе Э. Гуссерля

«Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» (Гуссерль 2009), подытоживающей его многолетние изыскания, в которой он настаивает на том, что «...чистая феноменология... *это не психология и...* причисление ее к психологии исключается... *принципиальными* основаниями» (Гуссерль 2009: 8). Особенно его возмущают оценки, относящие разрабатываемую им феноменологию к «нижней ступеньке эмпирической психологии» (по-видимому, это обусловлено тем, что в среде ученых понятие феноменологии, а также смежные с ним категории, в том числе «феноменологические законы», связывают с *описанием* того, что получают *опытным* путем). Поэтому Гуссерль обозначает свою позицию как *чистую феноменологию*.

Нам представляется, что в понимании феноменологии Гуссерль следует за Гегелем, для которого «феноменология духа» – это этап в саморазвитии духа, где раскрывается *познавательная деятельность* человека как носителя субъективного духа.

Различие между разрабатываемой им чистой феноменологией и психологической наукой Гуссерль видит в том, что если вторая имеет дело с психическими актами как *реальными* и полагается на *данные опыта*, то первая обращена к «очищенному сознанию» – *идеям и сущностям*, к тому, что его критики называют «метафизическими фантомами» или продуктами схоластики; сам мыслитель (усиливая различия с психологией) квалифицирует данные феномены сознания как «ирреальные»/нереальные. В подтверждение приведем один из его аргументов: «*Психология* – опытная наука... 1. Она есть наука о *фактах*... 2. Она есть наука о *реальностях*. “Феномены”, какими занята она в качестве психологической “феноменологии”, – это реальные происшествия, которые как таковые, если они действительно существуют, включаются вместе с реальными субъектами, которым они принадлежны, в один и тот же пространственно-временной мир... *чистая... феноменология* получит свое обоснование не как наука о *фактах*, но как наука о *сущностях* (как наука “*эйдетическая*”), как наука, которая намерена констатировать исключительно “познания сущности” – *никакие не “факты”*» (Гуссерль 2009: 9).

2. Но если для Гуссерля психология и феноменология по сути своей диаметрально противоположны (поэтому он противник психологизации феноменологии, называя это «порчей феноменологии»; впрочем, одновременно он и против «порчи психологии» через сведение ее предмета к феноменам чистого сознания), то почему мы рассматриваем феноменологию при раскрытии проблемного поля *когнитивной психологии*, ориентированной на решение проблем создания ИИ (да еще с учетом обвинений феноменологии в схоластичности и метафизичности)?

Позиция Гуссерля может кому-то показаться непоследовательной, когда он вводит разграничение двух видов психологии – *эмпирической психологии* и *феноменологической (эйдетической) психологии* (от древнегреч. эйдос – идея). Отрицая какую бы то ни было возможность связи чистой феноменологии с психологией, он при этом намечает такое соотношение указанных видов: «...феноменология – это инстанция для основополагаю-

щих методологических вопросов психологии... То, что она установила в общем виде, должно признаваться психологом как условие возможности всякой дальнейшей его методики» (Гуссерль 2009: 157-158). Другими словами, согласно Гуссерлю, чистая феноменология – это разновидность *методологии* применительно к психологическим наукам, которые на основе этой методологии могут разрабатывать соответствующие *методы* исследования психической реальности и претворять данную методологию в систему методик. Возможна и еще одна интерпретации выявленного Гуссерлем соотношения, а именно: феноменологическая психология, претендующая на раскрытие *сущности* психического, которая целиком и полностью полагается только на акты рефлексии, предстает как *теоретический уровень* исследования; тогда как сложившаяся к началу XX в. психология, обращенная к психической *реальности*, являет собой *эмпирический уровень*; отсюда и закрепившееся за ней название эмпирической психологии. Вот и получается, что теория, обращенная к познанию неизведанной области, есть не что иное, как методология. Не достигшая теоретического уровня и не нацеленная на постижение сущности эмпирическая психология страдает, по словам Гуссерля, «принципиальной психологической противосмысленностью». В этом контексте становится понятным сравнение этих двух уровней в категориях «абсолютное-относительное», когда он рассуждает таким образом: «...сознание выступает в различных способах постижения... во-первых, в себе самом как сознание абсолютное, во-вторых... в корреляте, как сознание психологическое, каковое включается тогда в порядок природного мира... <...> ...феноменологический способ рассмотрения более всеобъемлющ и, как абсолютный, более радикален» (Гуссерль 2009: 143).

3. Зафиксировав *методологическое значение* гуссерлевской феноменологии для психологической науки, как и в случае с Махом, надо определиться с тем, из какой *философии* проистекает указанная методология; причем философская установка в данном случае значима только в плане влияния на эмпирическую психологию.

Исходный тезис в аргументации Гуссерля в первом приближении даже терминологически близок маховской позиции. Так, он утверждает: «...сознание и вещьность – связанное целое: они связываются в отдельных психофизических единствах» (Гуссерль 2009: 71). Переходя от вещной реальности к глобальному масштабу, он сохраняет эту характеристику, а именно: «Мир в его полноте – это не просто физический, но психофизический мир» (Гуссерль 2009: 104). Данный, принципиально значимый для мыслителя, тезис проистекает из его *теоретической* установки, нацеленной на выделение чистого (абсолютного) сознания, что, конечно, радикально отличается от маховского *эмпиризма* и *психологизма* в трактовке элементов мира как психофизических единств. В этом контексте дается такое пояснение психофизического единства сознания и вещи и психофизического единства мира как целого: «Реальность – и реальность отдельно взятой вещи, и реальность целого мира сущностно лишена самостоятельности (в нашем строгом смысле “сущности”). Это не нечто абсолютное в себе... оно лишено “абсолютной сущности”, у него существенность того, что в принципе лишь

интенционально, лишь осознаваемо, лишь представляемо, лишь осуществимо в возможных явлениях» (Гуссерль 2009: 94). Гуссерль как феноменолог исследует *сущность* различных актов сознания – от восприятия и факта до фантазии, ведь каждая разновидность этих актов способна по-своему осознавать мир. Поэтому и правомочно утверждение о *коррелятивности мира естества сознанию*.

Собственно говоря, все рассматриваемое произведение Гуссерля предстает как своеобразная методика/технология продуцирования чистого сознания. Приведем характеристики, данные этому сознанию, которые необходимо учитывать при его продуцировании. Гуссерль пишет: «...сознание, если рассматривать его в “чистоте”, должно признаваться *замкнутой в себе взаимосвязью бытия*, а именно взаимосвязью *абсолютного бытия*, такой, в которую ничто не может проникнуть и изнутри которого ничто не может выскользнуть, такой, для которой не может существовать никакой пространственно-временной внеположности и какая не может заключаться ни в какой пространственно-временной взаимосвязи; такой, которая не может испытывать причинного воздействия со стороны какой бы то ни было вещи и которая не может причинно воздействовать на какую бы то ни было вещь» (Гуссерль 2009: 93).

4. Следует подчеркнуть, что феномены, связанные с психикой человека, которые рассматривает Гуссерль, интересовали, как правило, и Маха (сознание, переживания, восприятия, воспоминания, разум, воля, внимание, воображение, фантазия и др., а также душевные состояния: желания, аффекты, верования и др. – и ценностные установки, логической строй мышления, например суждения, и др.). Процессуальную сторону он характеризует так: это рефлексия, акты, высматривание, потоки, видение, обоснование, теоретизирование, спонтанность, воление и мн. др. Но проблемное поле для Гуссерля лежит в диаметрально противоположной плоскости – физико-физиологические механизмы, связанные с познавательными актами, его не интересуют. Подобный методологический подход он квалифицирует как натурализм и в своей феноменологии разрабатывает своеобразную «технология очищения» актов познания от всего непосредственного и опытно данного. При этом Гуссерль нацелен на обнаружение *самой сущности актов познания*: восприятия, воспоминания, фантазии, разума и др. Ведь очевидно отличие ощущений цвета от ощущений звука – значит, они по сути своей разные, и надо найти способ выделить их в чистом виде. У самого Гуссерля по этому поводу говорится следующее: «...мы описываем, а вместе с тем и определяем в *строгих* понятиях... родовую сущность восприятия и сущность подчиненных видов, как-то: восприятия физической вещественности, животных существ и т. д., равно как и сущность воспоминания вообще, вчувствования вообще, веления вообще и т. д. Однако им еще предшествуют наивысшие всеобщности, такие, как переживание вообще, *cogitatio* вообще, – они уже делают возможными объемлющие сущностные описания» (Гуссерль 2009: 140).

Способом проникновения в сущность когнитивных актов, согласно его методологии, является исследование *идей*, продуцируемых указанными ак-

тами. С помощью идей, представляемых и выражаемых понятиями, и осуществляется познание. Оно может сопровождаться (как фоном) волевыми усилиями, эмоциями, аффектами, оценками и пр. Именно с помощью идей раскрывается сущность познаваемого. Тождественность идей с сущностями вовсе не означает, что они нечто исключительное; как отмечает Гуссерль, «на деле же все и... непрерывно, видят “идеи” и “сущности”, оперируют ими в своем мышлении, осуществляют суждения относительно сущностей» (Гуссерль 2009: 44). Познавательная деятельность в чистом виде являет собой движение идей.

Как видим, интерес мыслителя прикован как к сущности когнитивных актов, так и к сущности того, что получается в результате познания; это подтверждает наш тезис о *теоретико-познавательной* заданности феноменологии Гуссерля.

5. Оригинальность его позиции в теории познания заключается в развитии *принципа интенциональности* (заложенного Гегелем). Интенциональность означает признание того, что актам сознания свойственна *направленность на предметы* или, как пишет об этом сам Гуссерль, «под интенциональностью мы понимали свойство переживания “быть сознанием чего-либо”» (Гуссерль 2009: 167); при этом он дает пояснение об атрибутивности данного свойства когнитивным актам: «Ведь от сущности любого актуального *cogito* неотделимо то, что оно есть сознание *чего-либо*» (Гуссерль 2009: 65). Следствием этого выступает и другой фундаментальный принцип гуссерлевской феноменологии – тезис о том, что «мир коррелятивен сознанию», который конкретизируется достаточно сильными утверждениями: «Существование природы не может обуславливать существования сознания, – ведь она сама выходит наружу как коррелят сознания; природа существует, лишь конституируясь в упорядочиваемых взаимосвязях сознания» (Гуссерль 2009: 97); или вот еще: «...весь *пространственно-временной мир*... это по своему смыслу лишь простое интенциональное бытие, т.е. такое бытие, которое обладает лишь относительным, вторичным смыслом бытия для сознания» (Гуссерль 2009: 94). При всем неприятии обыденным сознанием подобной трактовки высказанная оценка является всего лишь развитием кантовской позиции: без субъекта нет объекта и мир таков, каким ему позволяют быть познавательные способности человека; по сути, это одна из версий трансцендентальной установки в философии.

В приведенной цитате фигурирует понятие *смысла*, входящее в систему основных категорий гуссерлевской феноменологии. Когнитивные акты, в силу их интенционального характера направленные на различные предметные области, конституируют реальность путем наделения смыслами продуктов своей деятельности. Приведем пояснения и аргументы самого Гуссерля при введении смыслового контекста: «Любое интенциональное переживание... означает, что сущность его в том, чтобы скрывать в себе нечто, подобное “смыслу”... и затем, на основе такого наделения смыслом... осуществлять иные свершения, которые именно благодаря такому наделению смыслом и делаются “осмысленными”» (Гуссерль 2009: 179). Переход от понятия *сущности* познаваемого объекта к понятию *смыслов* втягивает

в аргументацию феноменолога еще один, не обозначенный ранее, аспект – *диалектику индивидуального и intersубъективного*, выводящего когнитивные акты за пределы отдельного субъекта. И это, согласно позиции Гуссерля, не просто вспомогательное дополнение, а принципиально значимая характеристика когнитивных процессов. В данной связи он пишет: «Конституированность... сопрягается в первую очередь с... индивидуальным сознанием, затем с возможным общим сознанием, т.е. с некоторой... множественностью находящихся между собой в “общении” Я-сознаний и потоками сознания, для которых intersубъективно возможно давать и отождествлять какую-либо вещь как то же самое действительное» (Гуссерль 2009: 270). Другими словами, intersубъективность – это сущностный признак когнитивных процессов, поскольку благодаря ей достигается действительность познанного. Конституирование идей не объяснимо только через индивидуальное сознание – оно вовлечено в intersубъективные процессы через механизмы общения, которые и обеспечивают идеям их действительность. А когда intersубъективность (совокупность общающихся со мной других Я-сознаний) приобретает масштаб универсальности (=человек как род), она становится тождественной чистому сознанию. У Гуссерля об этом сказано так: «...миры опыта, фактически обособленные, благодаря взаимосвязям актуального опыта складывались, создавая один-единственный intersубъективный мир, коррелируют единого мира умов (т.е. Универсального расширения человеческой общности, сведенной к жизни чистого сознания и к чистому “я”» (Гуссерль 2009: 91).

Тем самым согласно феноменологической методологии когнитивная психология должна учитывать *динамику индивидуального и межсубъектного*, с которой связано само существование когнитивных процессов.

6. И, наконец, мы должны задаться вопросом: как все это связано с возможностью создания ИИ? Ситуация кажется парадоксальной. Тот способ рассмотрения когнитивных процессов, который предлагает феноменология, выносит их за пределы реального: движение идей, смыслов, сущность восприятий, фантазий и пр. – это уровень «ирреального» (термин самого Гуссерля). Напротив, все, что связано с ИИ, нацелено на материализацию и воплощение в реальность. И хотя во времена Гуссерля до создания ИИ было еще далеко, он, предчувствуя данную проблему, замечает: «...если материальный мир есть – в отношении всякого сознания и его собственно сущности – “чужое”, “инобытие”, то как может сплетаться с ним сознание – с ним и... со всем чуждым сознанию миром?» (Гуссерль 2009: 71). Этим объясняется признаваемая им фундаментальная двойственность сознания, которую он фиксирует следующим образом: «...с одной стороны, сознание – это абсолютное, в котором... в конечном счете конституируется весь психофизический мир, а с другой стороны, сознание – это подчиненный реальный процесс в рамках этого мира» (Гуссерль 2009: 104).

7. Своеобразную постановку и достаточно убедительное решение данной проблемы мы находим в работе «Начало геометрии», где Гуссерль задается вопросом об условиях возникновения и дальнейшего развития вплоть до современности такой культурной формы, как геометрия. Геометриче-

ские идеи и смыслы, созданные в процессе духовного творчества первогеометров, он называет *идеальными предметностями*, которые, попадая в межсубъектное пространство и следуя одна за другой во времени, «оседают», формируя традицию в геометрии как науке. За счет чего достигается «...устойчивое существование “идеальных предметов” также и тогда, когда первооткрыватель и его товарищи не вступают в... контакт или вообще уже умерли» (Гуссерль 1996: 220). Идеи и смыслы не превращаются в ничто, но обретают сверхвременное/вневременное бытие, а по терминологии Э. Гуссерля становятся «идеальными объективностями», поскольку «беспрерывное» бытие идеям и смыслам придает язык. Обретая «языковую плоть», они и попадают во вневременное межсубъектное пространство. В этом контексте Гуссерль, по сути, выстраивает своеобразную *онтологию языка*: «Все... может быть выражено в языке. <...> Язык... есть функция и упражняемая способность, коррелятивно связанная с миром, с универсумом объектов... Таким образом, люди как люди, человечество окружающих людей, мир, о котором мы вообще... можем говорить, и, с другой стороны, язык нераздельно переплетены...» (Гуссерль 1996: 218). Язык органичен человеческому познанию, через него предстают и познающий, и мир познаваемых объектов. Задаваясь вопросом о том, «...как языковое воплощение из лишь внутрисубъективного делает образование объективным» (Гуссерль 1996: 216), Гуссерль приходит к признанию значимости *письменной формы языка*: «Важной функцией письменного, фиксирующего языкового выражения является то, что оно делает возможным сообщения без непосредственного личного обращения, что оно есть... виртуальное сообщение» (Гуссерль 1996: 220). Идеи и смыслы, получая воплощение в письменном языке, приобретают вневременное бытие, становятся виртуальной реальностью, но одновременно они и материализуются, ведь письменные знаки телесны. Это и есть аргумент в пользу возможности их технического воплощения. Виртуальная реальность хранит «осевшие» смыслы, и активировать их со временем можно только потому, что «...будучи языковыми знаками, они так же, как и звуки языка, вызывают соответствующие знакомые значения» (Гуссерль 1996: 221). В этих *знакомых значениях* в онтологии языка Гуссерля и выражена специфика его позиции, которая радикально отличает ее от других разновидностей онтологии языка, например в аналитической философии. Если согласно аналитической философии в знаках языка выражены фактуально-опытные значения, обращенные к миру объектов, то у Гуссерля в значениях как смыслах/идеях присутствуют и мир объектов, и человеческий мир.

Главное здесь заключается в том, что Гуссерль показал, как происходит процесс *человеческого* познания. Без учета движения смыслов и идей, без рефлексии оно не может быть адекватно реализовано. По сути, он исследует собственно человеческое в познании мира человеком.

Заключение

Завершая анализ, зададимся вопросом: как соотнести рассмотренные подходы Э. Маха и Э. Гуссерля? Насколько справедлива заявленная

в названии статьи оценка их как *альтернативных* методологических позиций? Альтернативность, с философской точки зрения, заключается в диаметральной противоположности тех оснований, вокруг которых выстраивается механизм познавательной деятельности в концепциях данных мыслителей. У Маха это физико-физиологические, биологические процессы, сближающие человека с животными; тогда как у Гуссерля это экзистенциально-гуманитарные факторы, выделяющие человека из всего земного мира. Указанные отличия проявляются и тогда, когда обнаруживаются, казалось бы внешне сходные, моменты. Вместе с тем альтернативность подходов не исключает возможности их взаимного дополнения. В данном случае мы говорим о дополнительности в том значении, которое, например, имел в виду Г. Башляр, отыскивая принцип соотношения классической и неклассической науки. Альтернативность как взаимоотрицание, которое для него и есть собственно «философское отрицание», он трактует так: «...видеть в этом просто дуализм было бы неправильно. Напротив, эпистемологическая полярность... свидетельствует скорее о том, что каждая из философских доктрин, называемых нами эмпиризмом и рационализмом, эффективны в своем дополнении друг друга. Одна позиция завершает другую» (Башляр 1987: 163). Башляровское философское отрицание явно производно от принципа дополнительности квантовой механики, выдвинутого Н. Бором. Философское отрицание, являющее собой в изложенной форме синтез альтернативных методологических подходов, предполагает развитие когнитивной психологии в проблемном поле, где представлены онтологические версии познавательной деятельности и Э. Маха, и Э. Гуссерля.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Башляр Г. 1987. Новый рационализм : пер. с фр. / предисл. и общ. ред. А.Ф. Зотова. Москва : Прогресс. 376 с.

Брянник Н.В. 2015. Э. Мах и З. Фрейд как первооткрыватели и исследователи неклассического эксперимента // Австрия как культурный центр Европы : материалы III Междунар. науч. симпозиума, Екатеринбург, 29–30 октября 2014 г. Казань : Изд-во «Познание» Ин-та экономики, управления и права. С. 16–22.

Гуссерль Э. 1996. Начало геометрии. Введение Жака Деррида / пер., коммент. и послесл. М. Маяцкого. Москва : Ad Marginam. 267 с.

Гуссерль Э. 2009. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1 / пер. с нем. А.В. Михайлова ; вступ. ст. В.А. Куренного. Москва : Академ. Проект. 489 с.

Мах Э. 2003. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. Москва : БИНОМ. Лаборатория знаний. 456 с.

Мах Э. 2005. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. Москва : Издат. дом «Территория будущего». 304 с.

Fisette D. 2012. Phenomenology and Phenomenalism: Ernst Mach and the Genesis of Husserl's phenomenology // *Axiomathes*. Vol. 22, № 1. P. 53–74.

Penchev V. 2020. A reductionist reading of Husserl's phenomenology by Mach's descriptivism and phenomenalism // *Continental Philosophy eJournal*. Vol. 13, № 9. P. 1–4.

Nadezda V. Bryanic,

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: n.v.bryanik@urfu.ru

SPIN-код: 6184-2791

Article received 14.07.2020, accepted 03.12.2020, available online 05.04.2021

Alternative Philosophical Methodologies for Cognitive Psychology: Ernst Mach and Edmund Husserl

Abstract. Cognitive psychology is one of the most significant areas of modern science related to the creation of artificial intelligence (AI). The multifactorial conditionality of cognition is captured in variety of philosophical concepts, some of which can have applied meaning, including for cognitive psychology. The article considers two approaches that address diametrically opposite factors affecting cognitive activity. On the one hand, the diversity of cognition phenomena – from simple (sensations and representations) to the most complex (will, attention, memory, imagination, etc.) – depends on the psycho-physiological processes associated ultimately with physical energy. E. Mach based his concept on the ontology of psychophysiological parallelism. Back in the early 20th century, he designed the possibility of technical embodying of the results of his research on various phenomena and mechanisms of human cognitive activity. On the other hand, in the first decades of the 20th century, Husserl claims to create his own methodology for psychological science, which (methodology) simultaneously appears as the theoretical level of this field of science due to the fact that it explores the essence of the entire variety of cognitive phenomena, such as consciousness in its various variations, mental states, values and logical structure. Ideas/meanings peculiar only to human cognition acquire the character of “ideal objectivity” through written language. Written language, according to Husserl, is a way of virtual timeless storage and increment of ideas and meanings. At the same time, it can also become a means of their material, including technical, implementation. Mach in his methodology focuses on the physical, physiological, and biological aspects of the process of cognition; Husserl focused on existential and humanitarian factors that give cognitive activity a proper human character. This is the alternative of these approaches, which does not exclude the possibility of their mutual complementarity.

Keywords: E. Mach; E. Husserl; cognitive psychology; artificial intelligence; methodology; cognitive activity; material embodiment; alternative.

For citation: Bryanic N.V. *Al'ternativnye filosofskie metodologii dlya kognitivnoy psikhologii: Ernst Makh i Edmund Gusserl'* [Alternative Philosophical Methodologies for Cognitive Psychology: Ernst Mach and Edmund Husserl], *Antinomii = Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 27-44. DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-27-44 (in Russ.).

References

Bachelard G. *Novyy ratsionalizm* [New rationalism], Moscow, Progress, 1987, 376 p. (in Russ.).

Bryanik N.V. *E. Makh i Z. Freyd kak pervootkryvateli i issledovateli neklassicheskogo eksperimenta* [E. Mach and Z. Freud as discoverers and researchers of non-classical experiment], *Avstriya kak kul'turnyy tsentr Evropy : materialy III Mezhdunar. nauch.*

simpoziuma, Ekaterinburg, 29-30 oktyabrya 2014 g., Kazan, Izdatelstvo «Poznanie» Instituta ekonomiki, upravleniya i prava, 2015, pp. 16-22. (in Russ.).

Fisette D. Phenomenology and Phenomenalism: Ernst Mach and the Genesis of Husserl's phenomenology, *Axiomathes*, 2012, vol. 22, no. 1, pp. 53-74.

Husserl E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kn. 1* [Ideas to a pure phenomenology and to a phenomenological philosophy. B. 1], Moscow, Akademicheskij Proekt, 2009, 489 p. (in Russ.).

Husserl E. *Nachalo geometrii. Vvedenie Zhaka Derrida* [Beginning of the geometry. Introduction By Jacques Derrida], Moscow, Ad Marginam, 1996, 267 p. (in Russ.).

Mach E. *Analiz oshchushcheniy i otnoshenie fizicheskogo k psikhicheskomu* [Analysis of sensations and the relation of the physical to the mental], Moscow, Izdatel'skiy dom «Territoriya budushchego», 2005, 304 p. (in Russ.).

Mach E. *Poznanie i zabluzhdenie. Ocherki po psikhologii issledovaniya* [Knowledge and delusion. Essays on research psychology], Moscow, BINOM. Laboratoriya znaniy, 2003, 456 p. (in Russ.).

Penchev V. A reductionist reading of Husserl's phenomenology by Mach's descriptivism and phenomenism, *Continental Philosophy eJournal*, 2020, vol. 13, no. 9, pp. 1-4.